

В. П. Большаков¹

ЦЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ С ДРУГИМИ КУЛЬТУРАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Диалоги культур извечно непросты. Изначально, в период культурогенеза: «Общий тон отношений между племенами был таков: мы — хорошие, культурные, они — плохие, некультурные. Некультурность других состояла только в том, что они были не таковы, как мы»². Этот тип отношений между человеческими сообществами, вообще говоря, сохраняется до сих пор, будучи разнообразно выражен в политических и идеологических взаимодействиях, в самосознании культур, в отсутствии направленности на действительно взаимопонимание, на уважение к особенностям культуры других.

Тем более что понимание своеобразия иной культуры, признание такого своеобразия столь же ценным, сколь и наше, затруднено. Трудности в диалогах культур, даже когда осознана их необходимость, коренятся не столько в различии социальных и политических структур и идеологий, сколько в разной ментальности человеческих сообществ, устойчивых стереотипов восприятия не своего социального и культурного своеобразия.

Многих политических и идеологических проблем межкультурных диалогов, которые были существенны для России советской, теперь нет. Исчез «железный занавес». Россия сегодня открыта для разнообразных взаимодействий со всеми культурами. Но возможности успешных диалогов с ними, обогащающих каждую из сторон, ограничены рядом факторов, значимых и сейчас. И это не только наслоения прошлого, искаженные идеологией представления россиян, скажем, о характере и ценностях западной культуры или цивилизации. Или представления американцев о России как «империи зла». Одним из факторов, осложняющих контакты русской культуры с культурами Запада и Востока, остается своеобразие российских отношений со временем.

Особенности времени, сама его конкретность создаются культурой, которая живет во времени, порожденном ею. Успешность диалогов разных культур обусловлена, помимо всего прочего, тем, что в любой из них, при множестве внутренних вариаций, есть характерные течение, смысловая наполненность, ощущения, ценность времени.

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Особенности культуры в ее историческом развитии (От зарождения до эпохи Возрождения)», «Культура как форма человечности», «Ценности культуры и время: [Некоторые проблемы соврем. теории культуры]», «Своеобразие культуры Нового времени в ее развитии от Ренессанса до наших дней», «Особенности эстетической и художественной культуры», учебных изданий: «Теория культуры», «Культурология».

² Новицкая Л. Ф. Становление культуры // В. П. Большаков, Л. Ф. Новицкая. Особенности культуры в ее историческом развитии : учеб. пособие. Великий Новгород, 2000. С. 41.

Так, европейский Запад (а позже это развилось в США) породил необычайную рационализированность времени, которое дальше рационализировало жизнь. При этом стали ценными исчезающие мгновения и их быстротекущая череда. Ценно прежде всего настоящее, но в его отношении к ближайшему будущему. Время на Западе действительно ценно, и не только в том плане, что «время — деньги». Оно особо значимо, и с ним надо постоянно считаться.

Хотя имеются региональные отличия, и существенные, для всего азиатского Востока характерна скорее ценность вечности, даже в сиюминутном. С этим связана ориентация на сохранение традиций, вкусов, вообще прошлого в настоящем и будущем. Это выражается в рационализированной ритуализации жизни и в длящейся неге пребывания «здесь и теперь», нарушаемой, впрочем, «взрывами» длительности. На Востоке время тоже ценно, но ценна не его динамика, не смена одних мгновений или часов другими. Ценно, значимо и полезно это мгновение, вне его отношения к последующему. Скорее в связи с предыдущим. И такое время переживается как ценность.

Доминантой африканских и латиноамериканских культур в плане темпоральности, по-видимому, является эмоциональная ритмичность, ориентация на четко-ритмичную дробность длительности. Само же время, кажется, не существует в качестве ценности для этих культур, но зато оно и не давит человека.

В России ценность времени не только минимальна, но и весьма сомнительна. Время для русского человека зачастую ощущается как давящая антиценность. Даже русская лень существенно отличается от восточной, африканской или латиноамериканской тем, что в ней нет неги, сладостной расслабленности, легкомысленности ничегонеделания. И западная лень ощущается как освобождение от давления времени. Русская лень — это если и покой, то не освобождающий и не в вечность устремленный. Русская лень — это действительная лень души, которой скучно двигаться и невозможно оцепенеть или вполне расслабиться. Это лень безвременья.

От прошлого мы сравнительно легко отрешиваемся, а в настоящем толком не живем. Что же касается будущего, то его ценность выражена в стремлении после того как «долго запрягали» или «сиднем сидели», вдруг рывком двинуться, и непременно — «куда глаза глядят». Результатом часто оказывается достижение не того, к чему устремились, и опоздание «на праздник жизни». Но мы вообще ничего не любим делать по часам и вовремя. Наша стихия — аврал. Такие отношения со временем сказываются на всем поле культуры: в нравственности, в искусстве, в экономике, политике, повседневности, в том числе и в диалогах с другими культурами.

Возможности диалогов культур, пределы этих возможностей определены достижимым уровнем взаимопонимания. Понимание одного и того же в разных временных контекстах не одинаково. Говоря вроде бы об одном и том же, представители культур с разной темпоральной ментальностью зачастую говорят о разном. Возникает ситуация квазипонимания. По прошествии времени выясняется, что участники диалога имели в виду каждый что-то свое. И если диалог совершался с установкой на некие договоренности или действия, важные для обеих сторон, рождается порой ощущение даже чьего-то коварства. В лучшем случае — непонятости.

Неприемлемый для иных культур, наш, русский (а может и славянский) идеал — неощутимость времени — вроде бы связан с некоторой пассивностью сознания. П. А. Флоренский отмечал, что время строится активностью сознания, а расстраивается его пассивностью. И диалоги нашей культуры с другими в условиях расстройства времени (такого как сейчас) сильно осложнены. В ряде отношений наше настоящее — это прошлое западноевропейской (а в чем-то и восточной) цивилизации и, возможно, будущее всего Востока и Юга. Но нам не хочется жить ни в прошлом Запада, ни в чуждом туманном будущем.

Мы, правда, теоретически уже готовы, но практически не желаем устраивать будущее в настоящем, привыкнув переживать настоящее ради будущего. И если мы, в силу аморфности отношений со временем, принципиальной аритмии, как никто, можем понимать и принимать духовные ценности всех других цивилизаций, переплавляя их в свои, то сами, с нашим практическим игнорированием ценности прошлого и настоящего, остаемся во многом тайной не только для более рационализированных, но и для эмоционально напряженных в темпоральном плане культур. Мы и сами для себя таинственно неопределенны: этикие временщики в безвременье.

И мы ведем диалоги с разными культурами в своем «вневременном» контексте. А они с нами, каждая, в своем временном.

Наше тяготение к упорядоченности в пространстве и во времени какое-то беспорядочное. Реформы, призванные упорядочить разные сферы, будь то политика или образование, порождают «псевдорационализированный хаос». Изменения производим по принципу: «шаг вперед, два шага назад».

Культуры, контактирующие с нашей, имеют более четкие временные ориентации. На Западе, на азиатском Востоке в большей мере, чем в России, уважают и свое и чужое время, более сориентированы на ценности настоящего или прошлого в настоящем. И поэтому им с нами порой сложно взаимодействовать. Ведь мы не только в плане повседневности, но и в ценностно-смысловом отношении живем, по выражению М. Жванецкого, «между прошлым и будущим, вычеркнув к чертовой матери настоящее».

А диалоги с культурами, имеющими иные временные ориентации, остро необходимы. Но чтобы

они были не только желаемыми, а действенными, эффективными, чтобы в их процессах достигалось взаимопонимание и укреплялось взаимное доверие, недостаточно только ждать что нас правильно услышат. Надо и самим уметь вести диалоги так, чтобы нас не просто слушали, а действительно слышали. И самим стремиться на самом деле понимать партнеров. И поэтому добиваться, если не изменения темпорального своеобразия российской ментальности, то хотя бы учета этого своеобразия представителями других культур. Чтобы им каждый раз было ясно с кем (с чем) они имеют дело, что именно мы имеем в виду. Чтобы Россию, представителей ее культуры в большей мере понимали умом, вопреки известному утверждению Ф. Тютчева (умом Россию не понять). Диалоги душ, конечно, хороши, но ведь и славянские души остаются загадочными для не славян.

Хотим мы того или нет, но в современном цивилизованном общении маловато взаимочувствования. Необходимо и взаимопонимание. А действительное взаимопонимание в диалогах культур достижимо, помимо всего прочего, в поле достаточно четких временных ориентаций. Современность требует разных изменений в нашей российской ментальности. В том числе и изменений отношений со временем и ко времени. Нельзя надеяться на то, что тебя будут адекватно понимать, находясь в другом и весьма неопределенном измерении.

Темпоральные особенности русской культуры не вовсе бессмысленны и могут реализовываться весьма позитивно, в связи с процессами глобализации культуры. Эти процессы, конечно, идут не так, как хотелось бы. Тем не менее у человечества нет иного перспективного пути развития, кроме складывания единой человеческой культуры. Реальность такова: или человечество станет единым, преобразовавшись так, что культура окажется в основе будущей цивилизации, или оно погибнет. Но для того чтобы такое преобразование состоялось, уже в не столь отдаленном будущем должны измениться: содержательная динамика жизни, ее темпы, ритмы, само течение времени. Неизбежны при этом замедление скоростей научно-технического прогресса машинного типа и усиление действенного внимания к каждому человеку, к его душе, ибо именно отдельный человек должен стать высшей ценностью жизни в случае превращения мировой цивилизации в мировую культуру.

Россия, с ее неприятием излишней рациональности бытия, с еще не изжитой, хотя и искаженной установкой на то, что каждое движение человеческой души ценнее, нежели любое цивилизационное завоевание, чем нарастание комфортности, — может внести существенный вклад в этот процесс. Но, разумеется, и сама русская культура должна преобразовываться. Нам очень важно проникнуться желанием строить время, ценя его, переоценивая прошлое и устраивая будущее в настоящем, а не настоящее в будущем. Нельзя надеяться только на русский

«авось», на то, что со временем все как-то уладится, утрясется. Надо помнить о том, что, по словам П. Я. Чаадаева, все времена мы создаем сами, что Бог времени не создал, что он позволил его создать человеку.

Можно ведь ценить время и не на западный и не на восточный манер, а по-своему, по-русски. Но научиться ценить его имеет смысл, в том числе и для эффективных контактов с другими культурами на пути к не существующей пока единой человеческой культуре.